

ответствующих материалов с возможностью получения электронной копии. Для обеспечения надзора за законностью уголовного преследования прокурор имеет доступ к материалам электронных уголовных дел посредством ИС «ЕРДР». Модуль е-УД обеспечивает информирование надзирающего прокурора о принимаемых по электронному уголовному делу процессуальных решениях и предусматривает для прокурора процедуру проверки законности, согласования и утверждения процессуальных решений органов, ведущих уголовный процесс, что обеспечивает прозрачность осуществления предварительного расследования по уголовному делу. Полномочия прокурора реализуются путем ввода электронных документов или вложения PDF-документа в модуль е-УД, а также заполнения необходимых реквизитов электронных форм.

Для осуществления процессуального и ведомственного контроля и обеспечения законности обеспечивается доступ в модуле е-УД к электронным уголовным делам руководителей центральных, областных (и приравненных к ним), городских (районных и приравненных к ним) органов, ведущих уголовный процесс, их заместителей, курирующих вопросы уголовного преследования и досудебного расследования, начальникам управлений и отделов, осуществляющих уголовное преследование, сотрудникам центральных и областных аппаратов органов, ведущих уголовный процесс, осуществляющих ведомственный зональный контроль (кураторство), по подчиненным и нижестоящим структурным подразделениям.

По окончании предварительного расследования уголовное дело направляется в суд прокурором или лицом, ведущим уголовный процесс, посредством интеграции ИС «ЕРДР» с автоматизированной информационно-аналитической системой судебных органов «Төрелік» согласно Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате.

По итогам вышеуказанного можно сделать следующий вывод: Республика Казахстан далеко шагнула вперед в части облегчения работы следователя и доведения выполнения его должностных обязанностей до автоматизма, и в том числе исключения из предварительного расследования формализма и излишнего бумаготворчества. В Республике Беларусь введение электронного судопроизводства возможно, и для этого существуют все предпосылки. Для этого необходимо создать информационную систему, которая сможет объединить структурные подразделения правоохранительных органов Республики Беларусь. В рамках создания системы на первоначальном этапе можно наделить руководителя структурного подразделения электронным ключом, при помощи которого станет возможным отправление электронного уголовного дела адресату.

Первоначально данное предложение и положения вышеописанной Инструкции можно применить в информационных системах Следственного комитета Республики Беларусь.

Применив некоторые правовые и организационные меры в ближайшей перспективе можно будет использовать электронное уголовное дело на разных этапах предварительного расследования в целях осуществления действенного контроля за качеством и законностью его проведения и сокращения сроков получения различных согласований, что в итоге положительно повлияет на сроки предварительного расследования.

УДК 343.14 + 341.217

В.И. Самарин

КОНВЕРГЕНЦИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ПРАВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ В РАМКАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

В современных условиях открытости государственных границ, роста мобильности граждан и развития интеграционных процессов особое значение приобретает объединение усилий государств в борьбе с преступными проявлениями транснационального характера. Однако уголовное право и процесс всегда являлись наиболее близкими к понятию государственного суверенитета, суверены редко шли на передачу права судить в указанной сфере. Сложившиеся социально-экономические условия одновременно с обеспечением свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы (ч. 1 ст. 1 Договора о Евразийском экономическом союзе) требуют обеспечения возможности взаимного признания судебных и схожих процессуальных решений в уголовно-правовой сфере. Последнее подразумевает взаимное доверие иностранным системам правосудия и, как следствие, признание доказательств, полученных в иностранной юрисдикции [1, с. 41]. Кроме того, обеспечение свободы движения должно компенсироваться соответствующим упрощением межгосударственного сотрудничества в сфере уголовной юстиции посредством его ускорения и автоматичности (устранения излишнего бюрократизма). Подобные процессы достаточно глубоко затронули уголовный процесс государств – членов Европейского Союза и этот опыт может быть полезен для молодого интеграционного образования.

Уголовно-процессуальное право государств Европы носит национальный характер и с многовековой историей правовых традиций и раз-

личного представления о ценностях. Тенденции развития современного уголовного процесса государств – членов ЕС свидетельствуют о его европеизации – процессе сближения национальных правовых систем под влиянием европейского развития права и взаимного влияния между национальным и европейским уровнями [2, с. 730]. Мотором такого сближения были представители науки уголовного процесса [3, с. 27] и наднациональные органы ЕС.

Сложно говорить о европейском уголовно-процессуальном праве. В ЕС нет единого УПК, не установлены единые для всех государств-членов процедуры для разрешения уголовных дел. Но это не значит, что нельзя говорить о европейском уголовно-процессуальном праве в широком смысле. На данный момент имеются наднациональные (европейские) правовые нормы в сфере уголовного процесса, внедренные во всех государствах-членах. В еще более широком смысле, как сказано выше, имеются основания говорить о европеизованности уголовного процесса, а соответственно и норм, его регулирующих. Европейская конвенция по правам человека также оказывает влияние на национальное законодательство и практику его применения. На уровне ЕС созданы органы, связанные с расследованием уголовных дел и судопроизводством (Европол, Евроюст), идут постоянные разговоры о создании Европейской прокуратуры [4, с. 176].

Сотрудничество всех государств ЕС в сфере юстиции и внутренних дел приобрело характер «третьей опоры» Союза только с принятием Маастрихтского договора в 1992 г. Считалось, что эта опора должна стать основой для совместного уголовного преследования [5, с. 75], что не удалось реализовать до настоящего момента. В третьей опоре у ЕС были «связаны руки»: возникла необходимость принятия единогласного решения по ограниченному кругу вопросов. Сложившееся положение был призван решить Лиссабонский договор, в соответствии с которым в Договоре о функционировании ЕС (ДФЕС) появилась ст. 82, направленная на гармонизацию существующих в отдельных государствах – членах ЕС предписаний в сфере уголовного процесса.

Так, ч. 2 ст. 82 ДФЕС предусматривает расширение возможностей для признания приговоров и судебных решений, полицейское и судебное сотрудничество по уголовным делам, имеющим трансграничный характер. Европейский Парламент и Совет могут посредством директив, принятых в соответствии с обычной законодательной процедурой, установить минимальные правила. При этом указано, что такие правила должны учитывать различия в правовых традициях и системах государств-членов и могут касаться: а) взаимного признания доказа-

тельств между государствами-членами; б) прав граждан в ходе уголовного процесса; в) прав лиц, пострадавших от преступления; г) любых иных аспектов уголовного процесса, которые определены Советом заранее в его решении, принятом единогласно. Следует отметить, что по многим из указанных вопросов были приняты акты ЕС.

Как отмечают исследователи, даже если в государствах Европы будут действовать свои уголовно-процессуальные формы, для трансграничного уголовного преследования потребуются оценивать собранные в иных государствах доказательства [2, с. 749]. И в этом случае встает вопрос: не были ли нарушены основополагающие принципы уголовного процесса и фундаментальные права человека при собирании таких доказательств в иностранной юрисдикции. Тот факт, что определенные формальности или процессуальные требования, которые имеют решающее значение при оценке допустимости доказательств, не соблюдались в процессе собирания доказательств на территории иного государства, оказывается существенным препятствием для эффективности такого собирания. Необходимость двойной наказуемости при передаче доказательств отпала ранее [6, с. 627].

После многолетних дискуссий в 2008 г. Совет ЕС принял рамочное решение 2008/978/ИНА о Европейском доказательственном ордере (European evidence warrant) с целью получения предметов, документов и данных для использования в производстве по уголовным делам. Такой ордер для своего исполнения требовал признания компетентным органом исполняющего государства.

Однако Европейский Союз пошел дальше: 3 апреля 2014 г. была одобрена директива о Европейском следственном приказе (European Investigation Order) по уголовным делам, которая была внедрена в национальное законодательство (исключение – Дания и Ирландия). Нормы данной директивы основываются уже на принципе взаимного признания судебных решений. Европейский следственный приказ – судебное решение, которое выдается судебным органом одного государства – члена ЕС для получения доказательств, которые уже существуют и непосредственно доступны в виде предметов, документов или данных на территории другого государства-члена. Он также может быть выдан с целью производства одного или нескольких следственных действий, проводимых в исполняющем государстве для собирания доказательств. Для устранения названного выше препятствия, связанного с допустимостью собранных доказательств, ч. 2 ст. 9 директивы предусматривает обязанность исполняющего органа соблюсти формальности и процедуры, явно указанные запрашивающим органом (исключение – против-

речие самой директиве или основополагающим принципам права исполняющего государства), т. е. применяется принцип *forum regit actum*. Однако и последний подход вызывает критику в литературе [7, с. 44–45], так как допустимыми доказательства будут только для двух задействованных государств, но не для всех государств – членов ЕС.

В 2018 г. были представлены проекты регламента о Европейском приказе на предоставление (European Production Order) и Европейском приказе о сохранении (European Preservation Order) в отношении электронных доказательств¹ по уголовным делам (COM/2018/225) и директивы, устанавливающей согласованные правила о назначении уполномоченных представителей с целью собирания доказательств в уголовном процессе (COM/2018/226). Европейский приказ на предоставление позволит судебному органу одного государства-члена запрашивать электронные доказательства непосредственно у поставщика услуг, предлагающего услуги в Европейском союзе и созданного или имеющего представительство в другом государстве-члене независимо от местонахождения данных. Европейский приказ о сохранении позволит обязать поставщика услуг сохранять конкретные данные, которые судебный орган может запросить позже. Поставщики услуг, предлагающие услуги в ЕС, должны будут назначить уполномоченного представителя для собирания электронных доказательств.

В то же время органы ЕС до настоящего момента не смогли создать инструмент, позволяющий унифицировать собирание и признание доказательств, полученных на территории другого государства-члена, так как для этого требуется прежде всего определить следующее: гармонизировать правила оценки доказательств либо процедуру их собирания (производства следственных действий)? Все еще остается открытым вопрос о допустимости доказательств собранных на территории другого государства-члена, а также производных от них (*fruits of the poisonous tree*) [8, с. 135]. Хотя в 2009 г. Комиссия ЕС указывала, что для устранения проблемы допустимости доказательств, полученных в иностранной юрисдикции в рамках ЕС, следует принять «общие стандарты собирания доказательств по уголовным делам» [9]. И отдельные европейские процессуалисты предложили для создания таких стандартов использовать уже сложившиеся на основании Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также практики Европейского суда

¹ Здесь – доказательства, хранящиеся в электронной форме поставщиком услуг или по его поручению во время получения сертификата приказа на предоставление или о сохранении, состоящие из сохраненных данных абонента, данных доступа, данных транзакций и данных контента.

по правам человека стандарты, обеспечивающие справедливое судебное разбирательство [7, с. 45; 10, с. 117].

Все указанные выше инструменты исходят из взаимного признания процессуальных решений по уголовным делам и подразумевают так называемую «горизонтальную гармонизацию» [11, с. 19] правовых предписаний. Такие инструменты привлекательны для государств-членов, сопротивляющихся дальнейшей гармонизации европейского уголовного права, так как взаимное признание подразумевает развитие межгосударственного сотрудничества по уголовным делам без обязанности государств-членов изменять национальное законодательство в соответствии с гармонизационными требованиями ЕС [12, с. 1279–1280]. Членство в ЕС подразумевает также уважение фундаментальных прав человека всеми государствами-членами, что создает взаимное доверие, которое создает основу для автоматичности сотрудничества в сфере уголовной юстиции [13, с. 126]. И именно для этого в рамках ЕС были утверждены минимальные стандарты прав обвиняемого и потерпевшего.

Следует также помнить, что вопросы доказательственного права могут быть затронуты и иными законодательными актами ЕС. Так, в ч. 4 ст. 9 директивы № 2011/36/EU от 5 апреля 2011 г. по предупреждению и пресечению торговли людьми и защите ее жертв указано, что государства-члены должны принять необходимые меры для обеспечения того, чтобы органам уголовного преследования были доступны эффективные инструменты для расследования, упоминая конкретные следственные действия (перехват сообщений, скрытое наблюдение, включая электронное наблюдение, и др.), используемые для собирания доказательств.

Законодательные меры, предпринятые на наднациональном уровне в ЕС, показывают все более глубокую гармонизацию уголовно-процессуальных норм в рамках данного интеграционного образования и дальнейшую европеизацию национального уголовного процесса государств – членов ЕС. Однако до настоящего момента не установлены общие минимальные стандарты собирания доказательств, что показывает сложность гармонизации норм в сфере доказательственного права.

1. Уголовный процесс европейских государств / под ред. В.И. Самарина, В.В. Луцика. М., 2018.
2. Nelles U. Europäisierung des Strafverfahrens – Strafprozeßrecht für Europa? // Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. 1997. Band 109.
3. Esser R. Auf dem Weg zu einem europäischen Strafverfahrensrecht. Berlin, 2002.
4. Ландо Д.Д., Самарин В.И. Европейское публичное право. М., 2015.
5. Gleß S., Lüke M. Strafverfolgung über die Grenzen hinweg // Jura. 1998. Heft 2.
6. Klip A. Harmonisierung des Strafrechts – eine fixe Idee? // Neue Zeitschrift für Strafrecht. 2000. Heft 12.

7. Vermeulen G. Free gathering and movement of evidence in criminal matters in the EU: Thinking beyond borders, striving for balance, in search of coherence. Antwerpen, 2011.

8. Vermeulen G., Bondt de W., Damme van Y. EU Cross-border Gathering and Use of Evidence in Criminal Matters. Antwerpen, 2010.

9. Green Paper on obtaining evidence in criminal matters from one Member State to another and securing its admissibility, No. /COM/2009/0624final/ // EUR-Lex. Date of access: 09.10.2018. Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52009DC0624>.

10. Strandbakken A., Husabo E.J. Harmonization of criminal law in Europe. Antwerpen, 2005.

11. Bedulskaia T. The impact of EU law on harmonisation of national criminal law / The interaction of national legal systems: convergence or divergence? : Conference papers (25–26 April 2013, Vilnius). Vilnius, 2013.

12. Mitsilegas V. The constitutional implications of mutual recognition in criminal matters in the EU // Common Market Law Review, 2006, Issue 5.

13. Mitsilegas V. EU Criminal Law after Lisbon. Rights, Trust and the Transformation of Justice in Europe. Oxford, 2016.

УДК 343.12

А.В. Самко

О ПЕРЕЧНЕ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В соответствии со ст. 1 Конституции Республика Беларусь – унитарное демократическое социальное правовое государство, обладающее верховенством и полнотой власти на своей территории, самостоятельно осуществляющее внутреннюю и внешнюю политику. В качестве одного из проявлений указанного конституционного установления выступает право государства на осуществление уголовного преследования лица, совершившего преступление.

Возбуждение уголовных дел и производство по ним предварительного расследования осуществляется органами дознания и предварительного следствия. Широкий перечень государственных органов и должностных лиц, уполномоченных Законом осуществлять дознание, содержится в ст. 37 УПК Республики Беларусь. Вместе с тем обращает на себя внимание то обстоятельство, что в настоящее время в уголовно-процессуальном законе не в полной мере учитывается в данном вопросе динамика развития общественных отношений.

Указанное детерминирует необходимость исследования уголовно-процессуальных отношений, которые могут возникать в рассматриваемой сфере.

Изучая вопросы о перечне органов дознания, следует обратить внимание на то обстоятельство, что Республикой Беларусь активно ведется освоение Антарктики. И в данном случае вполне обоснованным видится внесение соответствующих изменений в УПК.

Под Антарктикой подразумевается район южнее шестидесятой параллели южной широты, включая все шельфовые ледники. В нее входят материк Антарктида, шельфовые ледники и прилегающие моря [1, с. 130]. Согласно ст. 1 Договора об Антарктике, подписанного в Вашингтоне 1 декабря 1959 г., «Антарктика используется только в мирных целях. Запрещаются, в частности, любые мероприятия военного характера, такие как создание военных баз и укреплений, проведение военных маневров, а также испытания любых видов оружия». Подчеркивается свобода научных исследований в Антарктике и сотрудничество в этих целях всех заинтересованных государств.

В рамках проводимых изысканий в Антарктике создаются антарктические станции и сезонные полевые базы.

Круглогодично действующая антарктическая станция – это комплекс капитальных сооружений, обеспечивающих автономное проживание и условия для работы персонала экспедиции. Станция кроме служебных и жилых помещений имеет различные научные лаборатории, дизельные электростанции, мастерские, гаражи, радиостанцию, медсанчасть, банно-прачечный комплекс, очистные сооружения, транспортную технику различного назначения и т. д. Сезонные полевые базы предназначены для проведения исследований и работ в летний антарктический период. Они состоят из временных служебных и жилых помещений, основной и аварийной дизель-электростанций, мастерской, радиостанции, бани, медицинского блока, необходимой транспортной техники [1, с. 130]. Так, например, Российская арктическая экспедиция осуществляет деятельность на пяти круглогодичных антарктических станциях (Мирный, Восток, Прогресс, Новолазаревская, Беллинсгаузен) и пяти сезонных полевых базах (Дружная-4, Союз, Молодежная, Ленинградская и Русская). Начальники антарктических станций и сезонных полевых баз наделены полномочиями по возбуждению уголовных дел и проведению неотложных следственных действий при обнаружении признаков преступления на данных объектах [1, с. 130].

В белорусском законодательстве данные вопросы не регламентированы. Может показаться, что они не актуальны для нашей страны в связи с отсутствием какой-либо деятельности в данном регионе, но это далеко не так. После присоединения Беларуси к Договору об Антарктике (далее – Договор), принятия Государственной программы «Мониторинг полярных районов земли и обеспечение деятельности арктических